

КСЮША ЛЕВИНА

Моя
Темма

*История любви между
сном и реальностью*

КСЮША ЛЕВИНА

Моя
Телма

ПРОЛОГ

Январь

— Меня зовут... э-э... Соня Колчина. Я вроде как выхожу из созависимых отношений, но это не то, о чем вы подумали...

— Кхм...

— Ладно. То самое. Просто... Короче, меня пригласил сюда брат, вы его наверняка знаете, Егор. Он вроде как теперь такой преисполнившийся, а я жалкая.

— Кхм...

— Ладно, я не жалкая. Я просто запуталась. Как прошел мой год? Ну я много пила, чтобы ничего не помнить, тусовалась и пыталась себя убить всеми способами, какие мне были доступны. Егор постоянно говорит, что я вроде как не хочу жить и все такое, ой, плевать вообще. Мне. А вот ему почему-то нет. Может, если у него появилась надежда, у меня тоже появится? Мне все время казалось, что я его уже потеряла, знаете? Он как будто был самым пропащим из нас, а оказалось, что я пропадающая. Ладно, не надо на меня хмыкать, не пропадающая, окей, но... он нашел свой смысл жизни, а я нет. Вы давно его видели? О-о-о, вы удивитесь. Он теперь вроде как

крутой тип. Ну, знаете, хату снял, тачку купил, с отцом больше не общается. Блин, он ему врезал. Прикиньте, прямо по лицу дал. Так себе история, нечем гордиться. Но, кажется, с тех пор все стало куда проще... Может, мне тоже с кем-нибудь подраться, как считаете? Егор вышел, так сказать, из созависимых отношений с родителями, перестал давать деньги матери. Он учится в магистратуре и даже стал... типа репетитором? Я вас умоляю. Мой брат, который ненавидит людей, стал репетитором. Я напоминаю, мой брат — Егор Колчин. И он вроде как устроился в какую-то крупную фирму и постоянно занят. И его очень ценят на этой его новой крутой работе, господи, это же смешно. Ну просто мамина радость. А я папина неудачница. Ладно, не смотрите так на меня. Просто немного странно поменяться местами. К этому жизнь меня не готовила, но окей. А еще он... Девушку завел. Она меня бесит, мне плевать, что он там к ней чувствует. Такая серая мышь в очках на пол-лица. Она печет ему печеньки. И играет на фортепиано. Она прям хорошая. Знаете такой тип людей? Вот которые прям *хорошие*, блин, ни мне, ни ему с такими, как она, делать нечего, это просто не лечится. Даже Ася, его бывшая, ему больше подходила. О, прикиньте, он недавно такой: «Кстати, мы с Асей поговорили, и у нас типа все в норме». Ну что с ним вообще? Эта его девушка... свела его с ума. Он стал хуже, чем был. Боже, они друг за другом таскаются, как попугайчики-неразлучники, он смотрит ей в рот, она — ему. А еще, когда он выкидывает какую-то хрень, она такая типа... «о, мы это исправим». И он вообще больше никого в мире не видит, нас всех просто не существует. Ладно, вру. Я суще-

ствую. И он каждый день... фу... говорит, что любит меня. Это какой-то вид издевательств? Вы что-то про это знаете? Типа он постоянно мне это говорит. Просто постоянно, я что ему, ребенок?

— Может, поговорим о вас, а не о вашем брате?

— Может быть. Но он главная моя проблема, в остальном я здорова, ясно? Он единственный псих в нашей семье! Полтора года назад, чтобы вернуть бывшую, он разогнался и разбил машину, кто так делает вообще? Взрослый и осознанный человек? А теперь *меня* называют сумасшедшей.

— Никто вас так не называет.

— Ладно, не называют, но он более ненормальный, чем я.

— Разумеется, так и есть.

— Хорошо, что хоть вы это понимаете. Короче... знаете, чутка пугает, что он понял, в чем его проблема, повзрослел и все такое, а я типа нет. Я всегда была взрослее. Я всегда заботилась о нем, а он... ни о ком в мире не заботился. Так, чисто делал вид. Теперь же он, блин, супер-гипер-ответственный взрослый со стабильной психикой, который полюбил отдых на природе и забрал моего кота! А я... ну, я не спилась, это круто? Или в двадцать два не должно быть таких проблем?

— Может, расскажете, с чего все началось? Когда вы впервые почувствовали себя несчастной?

— Не знаю, лет десять назад? Хотя... кого я обманываю? Всю сознательную жизнь я была несчастна.

ЧАСТЬ 1

Десять лет назад

— И... две тысячи триста шестьдесят очков!

— Да ладно, как? — Соня подползает ко мне, пачкая светлые джинсы в пыли, но ей уже все равно.

Во-первых, на них и так пятно от машинного масла, во-вторых, она точно знает, что папа купит новые.

— А вот так, учись, салага.

Салага закатывает глаза, совсем как взрослая, и отбирает у меня телефон. Ей всего двенадцать, но глаза как у старушки, и меня это раздражает. Кажется, что мы с сестрой взрослеем и стареем быстрее других. Может, мы чем-то больны?

— Сейчас попробую... — бормочет она, утыкаясь взглядом в телефон.

Я чемпион по игре в тетрис, она чемпион по «Кролику и морковке». Я думаю на скорость, она думает на ходы вперед. Я мог бы стать неплохим бегуном, а она шахматисткой, но, к сожалению, мы оба торчим в гараже.

— Когда он нас выпустит? — Соня не отрываясь от тетриса, ее взгляд шарит по экрану, пальцы быстро жмут на кнопки.

— Через час обещаю, — вздыхаю я, растягиваясь на куртке, расстеленной поверх палат.

— За что мы тут? — Безразличие в голосе Сони меня не то чтобы пугает, скорее заставляет думать, что ситуация совершенно нормальна, и уже вот это в свою очередь нагоняет жути.

— Я попросил у отца записать меня на танцы.

— Что? — Она смеется и отрывает взгляд от телефона, тут же проигрывая.

— Проиграла, салага, давай сюда.

— Какие, к черту, танцы?

— Вот и он так же сказал, — стараюсь говорить спокойно. Стараюсь не слышать в голосе Сони нотки, так похожие на отцовские, и убеждаться в который раз, что был не прав.

Хочется сказать: «Я не сумасшедший», но отец всегда в большинстве.

— Объясни.

— Парни пошли на брейк. Олег и Влад.

— И?

— И я хотел с ними.

Соня вроде собирается что-то сказать, что-то настоящее, но вместо этого пожимает плечами и заявляет, что это глупо и танцы для соплежувев. Я так и думал. Да, к черту, мне это не нужно.

— Давай играть. Я был не прав, посидим пару часов в гараже, подумаем о своем поведении и все, ладно?

— Вот и правильно, — весело говорит она и утыкается в телефон.

Мы уходим каждый в свой мир, и это кажется чем-то настолько обыденным, будто мы наконец-то оказались там, где должны быть.

Меня не существует в этом пыльном темном месте, где источник света — это два налобных фонарика,

прицепленных к старому шкафу. Я в мире, где «палка» ложится на «квадрат», «крест» на «т», а «уголок» на «s». Если бы кто-то придумал очки, создающие реальность вокруг, то я бы первым их купил, чтобы просто играть в тетрис и жить в мире, где нет ни одного занятия сложнее, чем поставить «палку» на «квадрат».

Мы с Соней делаем так постоянно, она не обижена, что из-за меня оказалась тут, пропуская ночевку с подругами. И я не был обижен на прошлой неделе, когда у нее нашли пустую банку из-под пива и нас обоих заперли в гараже на шесть часов.

— Сто пятьдесят восьмой уровень! — восклицает она.

— Тише ты, а то он телефоны заберет.

— Заберет — купит новые, — пожимает плечами она. — Папа нас любит, ты же знаешь.

— Когда ты играешь, ты представляешь себя там? — задаю рискованный вопрос.

— Там?

— В игре.

— Что? Среди зайцев и морковок? — Соня начинает смеяться и даже убирает в сторону телефон. — Егор, ты в норме? Он не сильно приложил тебя по голове?

— А он меня бил?

— Ну было немного. Ты не помнишь?

— Нет.

Соня замолкает и опять утыкается в телефон. Мы всегда так делаем, когда не хотим говорить о чем-то, так что я просто возвращаюсь к тетрису.

«Палка» ложится на «квадрат», «крест» — на «т», а «уголок» — на «s».

Глава 1

Я ЧЕРТОВСКИ ЗОЛ

Сентябрь

Хроническое ощущение пустоты. Когда читаешь эту фразу на страницах медицинских или «около того» сайтов, кажется, что она точно про тебя. Звучит романтично, почти как отличное начало чертовой книги про огромную любовь. Это и правда мило. Если облечь ощущения в слова, ты не ненормальный. Ты герой. Тот самый, кто бросает мир к ногам своей девушки. Кто чувствует отчаянную необходимость оказаться рядом с той, которую считает своей. Кто чувствует ревность, ярость, злость, несогласие, неприятие.

Остаться одному — это выпустить пустоту наружу. Плавать в ней. Пугающая паранойя, что *тебя оставили*. Желание всех, а особенно себя, *на-ка-зять*. Сублимировать пустоту во что угодно другое. Алкоголь, ночные гонки на машине, одержимая любовь, курение.

Пустота куда сильнее, если ты раздражен. Сейчас как раз тот самый случай. Пелена никак не спадет с глаз. Я зол, и самое время записать ощущения в *дневничок*, да только мерзавец куда-то запропастился. Доктор Эльза будет недовольна. Это всегда вызывает

улыбку: терапия, групповые встречи, все эти домашние задания — такая чушь! Но раз уж нужно вести дневничок, будем его вести.

Ситуация

Я чертов псих, по мнению родной сестры.

Эмоции. Телесная реакция

Я чертовски зол. Хочу курить.

Мысли

Я пошлю ее к черту, и все наладится.

Действия

Я ушел от раздражителя, можете быть довольны.

Мысленно швыряю воображаемый дневник в стену, и обложка отлетает от блока, по полу рассыпаются исписанные мною листы. Воображаемые, разумеется. Можно пройтись по ним и втоптать в пыльные доски старой сцены заброшенного концертного зала все, что было пережито за последний год.

Падаю на оторванные кулисы, лежащие на полу, как шкура убитого и некогда величественного животного. Эта монументальная картина — моих рук дело. Бордовый бархат растекается по сцене запекаясь кровью, свисает до самого пола. Сорвать кулисы было не самой простой задачей, но при определенных обстоятельствах выполнимой. Рассказывая об этом на групповой терапии, я видел понимание в глазах слушающих. Не справился с приступом злости, не выдержал давление толпы и все такое. Это так смешно, что я не могу не переплетать пальцы в фигу, которую непременно прячу в карман. Они правда верят, будто помогают мне своими заверениями, что *это нормально*. А я и не в курсе, конечно.

Не верю в психотерапевтов и их чудо-техники. Как болтовня может помочь? С каких пор лечат не таблетки, капельницы или операции на мозге? Но мне обещали, что через год все закончится. Я подожду. Остался всего месяц. Я жду этой даты, когда все станет иначе, а меня отпустят с миром. Давайте. Пощелчку пальцев в последний день сентября. Я готов!

Что. Я. Чувствую? Идиотский вопрос, который приходится задавать себе изо дня в день. Смотрю в потолок и выдумываю ответы, которые удовлетворили бы психолога. Ищу их на сетке, растянутой в четырех метрах надо мной, но, увы, ничего там не написано.

Старый концертный зал уже много лет не исполняет своей роли. Тут одни пылесборники, старинный хлам и я. На реквизите, который сюда стаскивают, удобно спать или играть в тетрис. Бархатные полотнища кулис — прекрасное место, где можно с удобством развалиться и покурить. Тут это не запрещено, потому что некому запрещать. Раз — и я опять мальчик, запертый в гараже.

— Ой, — пищит кто-то, спотыкается о мои вытянутые вперед ноги и летит в кучу бархатной ткани.

Вижу только каштановые кудри и обтянутую джинсами задницу. Девчонка. Она барахтается, чтобы встать на ноги, но ступни запутались в кулисах, и приходится ей помочь.

Кудрявая откидывает с лица волосы, садится, убирает ноги с моих коленей и тут же морщится при виде сигареты.

Она нескладная, не особо красивая. В ней все либо слишком маленькое, либо слишком большое. Крошечный вздернутый нос и большие губы, низ-

кий рост и широкие бедра, узкая талия и глаза на пол-лица, маленькая голова и комично огромное количество волос.

— Тут нельзя курить! — первое, что вопит нескладная, прежде чем скрещивает на груди руки.

— Да что ты. Запрети!

— Запрещаю! — У нее смешной возмущенный голос, будто случилось что-то действительно страшное. Такие, как она, должно быть, все время ахают и охают, всех жалеют. *Ути, моя букашечка, миленькая моя. Ах ты мой фикус несчастненький.*

Нескладная машет ладонями перед лицом, будто это поможет прогнать густой сигаретный дым. Вместо того чтобы продолжить нравоучения, она выдергивает из моих пальцев сигарету и смотрит на нее, явно не зная, куда теперь деть. Кажется, что-то столь мерзкое впервые коснулось пальцев малышки Сандры Ди*. Тонкая струйка дыма тянется вверх, пытаясь в ее кудрях, касаясь рассыпавшихся по лицу коричнево-кофейных пятнышек, отчего девчонка морщит маленький хорошенький носик. Ее рисовали мультипликаторы студии Диснея, не иначе. Она могла бы стать новой Моаной, Меридой или Мирабель Мадригаль. Что ж, Соне такое понравилось бы. Она помешана на диснеевских мюзиклах и поет это дерьмо каждый день на всю квартиру.

— Что ты тут делаешь? — Девчонка наконец находит пепельницу, сделанную из обрезанной жестянки из-под энергетика, и цепляется своим взглядом за мой.

* Американская актриса и фотомоделль, получившая известность благодаря воплощенному на экране амплу ин-женю.

— Сижу. Курю.

— Тут нельзя!

— Я уже слышал. Повторяешься.

— Я пришла по делу. — Она всплескивает руками, осматривается в поисках своего «дела».

— Мешаю? — стараюсь звучать саркастично, но кое-кому, кажется, это слово знакомо.

— Вообще-то нет, только больше не кури, ладно?

По какой-то причине она решила, что мне нужно разрешение?

Нескладная девчонка спускается со сцены к роялю, стоящему перед первым рядом кресел для зрителей. Открывает крышку, садится на пуфик и набирает в грудь воздух.

— Только молчи и не комментируй, ладно? Я никому не скажу, что ты тут был. — Ее губы изгибаются в таинственной улыбке, будто мы с ней теперь заодно.

Да мне же плевать, если кто-то узнает, где я ошиваюсь, это вообще не тайна!

Она закрывает на пару секунд глаза, поставив пальцы на клавиши, как балерина, приготовившаяся к первому па, и начинает петь что-то очень громкое и слишком красивое для такого пыльного помещения:

Какой беде из века в век обречены?

Какой нужде мы платим дань,

прощаясь с милыми?

И отчего нам эта явь такие дарит сны,

*Что дивный свет над песнями улылками?**

* «Разлука» — песня из к/ф «Гардемарины, вперед!» (композитор В. Лебедев, стихи Ю. Ряшенцева, в исполнении Елены Камбуровой).

Отвратительная романтика, хуже и быть не могло. Теперь у пустоты есть саундтрек. Опять падаю спиной на бархатные кулисы, закуриваю назло разрушительнице моего спокойствия и закрываю глаза.

Ситуация

Мое одиночество нарушили.

Эмоции. Телесная реакция

Я взбешен, хочу курить.

Мысли

Мне стоит уйти.

Действия

Я останусь и потерплю.

Девчонка выглядит гордой, будто захватила меня в плен своими волшебными песнями.

— Может, начнем сначала?

Не сразу понимаю, что она со мной разговаривает. Мультишный голос сошел бы за часть представления. Сейчас она поговорит с собой, покривляется и исчезнет.

— Что?

— Знакомство, — пожимает плечами девчонка и убирает пальцы с клавиатуры. — Привет, мой новый друг.

— Я тебе не друг. Какого черта ты забыла в моем концертном зале?

— Он твой? Тут так написано? — Она смотрит по сторонам в наигранном недоумении. — В таком случае... я хотела бы сказать тебе, друг, что я хочу разделить с тобой этот зал. Мне он тоже нужен.

— Я тебе не друг.

Но ей, кажется, все равно.